

Алексей ГЛАДКОВ

Жора с Малой Арнаутской

Посвящается моей бабушке Шура

Мой брат Жора был старше меня на 4 года. Жора — Георгий по паспорту. В Одессе особое отношение к именам. Имя должно быть как можно мягче и ласковее. «Жора» произносится очень мягко, через «ё» вместо «о». Меня, Александру, всегда называли Шурой: очень мягко, почти через «ю». Нашу маму Марию — Муней или Мусей. Даже непонятное и смешное для других имя Додик — это не что иное, как производное от Дмитрия. Ласково Додика называют Додя. В этом есть что-то особенное, доброе, нежное, присущее только Одессе.

Жорка был настоящим старшим братом! Высокий и худой, он обладал весёлым нравом и отменным боевым духом. Водил компанию с такими же разбитыми мальчишками, как и сам. Сегодня я бы их назвала хулиганами. Но тогда для меня это были обычные мальчишки, друзья моего старшего брата.

И на улице, и в школе Жору уважали. Кроме того, все знали, что Жора — мой старший брат. Поэтому у ребят ко мне было особое отношение.

— Стой! Это Шура — Жоркина сестра! — кричал кто-то из мальчишек, когда я зимой выходила из школы, а мальчишки стояли со снежками, чтобы закидать ими девочек.

Меня пропускали. Другим же приходилось прятать лица в воротники и закрываться от снежного обстрела руками. А я, гордо подняв голову, всегда выходила спокойно. Я точно знала: меня — не тронут! Или пусть только попробуют!

В юности Жора попал в какую-то историю и потерял два пальца на правой руке: мизинец и безымянный. Он всегда рассказывал, что попал под трамвай. Что произошло на самом деле — осталось загадкой.

Оккупацию мы с Жорой пережили в Одессе. Меня из дома одну не выпускали. Жорка был постарше и мальчишка — как его удержишь? Поэтому ему было позволено в светлое время ходить, где угодно. Он бегал на море, лазил в катакомбы и вообще пропадал целый день неизвестно где.

После оккупации вернулась мама. Это был самый радостный день в наших детских воспоминаниях.

— Шурка! — закричал кто-то из мальчишек от ворот через весь двор. — Зови Жорку! Там ваша мама идёт!

Я замерла. Из дверей нашей квартиры выбежал Жора и тоже замер. Мы стояли окаменевшие и смотрели в сторону ворот. Через мгновение в воротах появилась мама. Она поставила на землю чемодан и бросилась к нам. Мы побежали ей навстречу.

Жорка добегал до мамы первый и крепко обнял её. Так что, когда добежала я, мне пришлось втискиваться между ними. Мама подхватила меня на руки и прижала. Жора обнял нас обеих.

— Родные мои. Как вы тут? Роденькие. Как же я за вами соскучилась.

И мама нас целовала в лицо, в руки, в шею. Куда попадёт. Целовала и изо всех сил прижимала к себе. Хотелось ещё! Ещё! Чтобы мама не останавливалась и продолжала нас обнимать и целовать. Хотелось, чтобы это не заканчивалось. И оно продолжалось целую вечность!

Потом Жора забрал мамину вещи, занёс домой. Первые дни мы от мамы не отходили. Она от нас — тоже. А по вечерам после ужина мы зажигали свечи и пили чай. Мама рассказывала нам, как они уходили на последнем корабле из Одессы в 1941-м, как за ними шёл тральщик и минировал акваторию порта, как их обстреливали немецкие самолеты в море, как она попала в госпиталь, как погиб наш отчим. Эти вечера навсегда останутся в моей памяти.

Дальше жизнь потекла своим чередом. Мама устроилась на работу и приходила домой поздно. Жорка тоже где-то целый день пропадавал. Старался приходиться домой до того, как вернётся мама, но у него это не всегда получалось. Тогда мама его ругала, но никогда не трогала. После войны в Одессе было опасно и по вечерам ходить было нельзя. Поэтому все переживали и за маму, и за Жору. Но у ма-

мы по-другому не получалось, и однажды с ней произошла история, которая прояснила некоторые моменты тёмной стороны уличной жизни нашего Жоры.

Дело было перед Новым годом. Зима выдалась снежная, и погоды стояли холодные. Уличное освещение ещё восстановить не успели, поэтому улицы были тёмные. Около 9 часов вечера мама возвращалась с работы.

— Мадам, — из подворотни выдвинулась тёмная фигура и перегородила дорогу, — добрый вечер.

От неожиданности мама вздрогнула и на секунду остановилась. Из подворотни выдвинулись еще две тени. Мама всё поняла: её грабят.

— Мадам, мы Вам говорим «добрый вечер», — настойчиво произнесла фигура.

— Добрый вечер, — ответила мама.

— Мадам, на Вас такая красивая шубка.

На маме было пальто с меховым воротником.

— Нам она очень нравится.

— Ребята, не нужно. Пропустите.

Она попыталась пройти сквозь их ряды, но не смогла.

— Мадам, давайте без паники. Никому сейчас здесь не нужен скандал. Снимите шубку, и мы Вас пропустим.

Мама поняла, что сама с ними не справится, и умоляющим голосом произнесла:

— Ребята, мальчики. Не нужно. У вас ведь тоже матери есть. И у меня сын. И дочь. Отпустите. Миленькие. Я тут рядом, на этой же улице живу. В 25-м номере.

Один из грабителей, стоявший позади, выдвинулся вперёд и внимательно стал всматриваться в мамино лицо. Мама застыла на месте.

— Ребята, это же мама Жоры с Малой Арнаутской, — хрипло, с удивлением сказал он.

Грабители переглянулись, замешкались. Потом главный сделал шаг назад, отодвигая своих «побратимов», и произнёс:

— Мадам, простите. Конфуз получился. Проксидите.

С секунду подумав, он взял маму под руку и добавил:

— Давайте мы Вас проводим до дому. А то нынче время беспокойное, кто-то обидеть может.

Они молча проводили её до наших ворот, вежливо попрощались и растворились в темноте улицы.

Войдя домой, мама нервно сняла пальто, прошла на кухню, зачерпнула из ведра ледяной воды и махом выпила.

— Мунечка, ты чего? — заметила мамино волнение бабушка.

— Ничего! — резко оборвала мама. — Жора с Малой Арнаутской! Мерзавец!

Через 5 минут на свою беду домой пришёл Жорка. Ничего не подозревая, он бодро вошёл в кухню и весело спросил:

— Ну? Что у нас на ужин?

— Ужинать тебе захотелось? — процедила сквозь зубы мама. — Сейчас тебе будет ужин! И обед! И завтрак с полдником...

— Ма-а-а... — с опаской произнёс Жора, уже понявший, что сейчас с ним будут что-то делать. И это «что-то» совсем ему не понравится.

— Жора с Малой Арнаутской... — с какой-то непередаваемой яростью, но очень тихо и отчётливо прошипела мама, снимая с крючка полотенце и макая его по дороге в ведро. — Паразит!

И со всего размаху она вlepила мокрым полотенцем Жорке по морде.

— Гад! Негодяй!

Мама стала лупить Жорку. Он не сопротивлялся и стоически принимал удары, только машинально защищаясь и уворачиваясь от ударов.

— Где ты по вечерам шляешься, Жора с Малой Арнаутской?! А?! Гад! Мерзавец!

И снова — ляпс! Ляпс! Ляпс! По лицу, по шее, по спине, по заднице. Жорка извивался, как уж. Ростом он уже был выше мамы, но всё ещё был неуклюж. Поэтому его выкрутасы напоминали танец деревянной куклы на ниточках.

— Ма! Перестань! Ай! Ой-ой-ой! Оно же мочкое! Ма! Не на... до! Ай! — вопил он.

— А тебе покажу «Жорку с Малой Арнаут-

ской»! Ты у меня будешь под замком сидеть! Негодяй! Мерзавец!

В этот момент мне стало безумно жалко Жорку, и я бросилась со слезами к маме:

— Мамочка! Не надо! Перестань! Пожалуйста! Не трогай Жорку!

— Негодяй! Получай! Шура! Уйди! — взревела на меня мать и оттолкнула.

В углу кухни стояла бабушка и спокойно наблюдала за происходящим. И только когда Жора в своём диком танце толкнул стол, громко крикнула:

— Муня! Тарелки! Жора! Аккуратно!

В самый разгар экзекуции с трубкой в руке в кухню вошёл дедушка. Он внимательно посмотрел на происходящее и взглядом спросил у бабушки: «Что происходит?» Бабушка, уже державшая спасенную тарелку в руках, в ответ только пожала плечами. Потом констатировала:

— Лупит.

Дедушка опять взглядом спросил: «А за что?»

— Да чёрт её знает.

Еще с минуту дед наблюдал за этой сценой, спокойно потягивая трубку и выпуская струйки дыма. Потом положил её на стол и, когда мама в очередной раз замахнулась, ловко перехватил её руку и резко сказал:

— Хватит!

Мама оторопела. Посмотрела на деда, бабушку, Жорку и меня, села, закрыла лицо руками и заплакала. Жора с опаской приблизился к ней, присел на корточки у неё в ногах и попытался обнять:

— Ма. Ну не нужно. Не плачь. Пожалуйста.

— Уйди! Видеть тебя не могу!

— Жорик, иди в комнату, — сказал дед, поднимая Жору за плечи.

Потом похлопал его по спине и добавил:

— Иди пока. Сейчас разберёмся.

Жорка ушёл в комнату. Я тут же побежала за ним.

Мы сидели в комнате на нашей кровати. Жора был мокрый. На его лице виднелись следы от ударов. На шее наливались красным три параллельные полоски: видимо, мама не только полотенцем его достала, но еще и рукой.

— На, вытрись, — протянула я ему свой платок.

Жора не сразу отреагировал. Потом, как бы опомнившись, он взял мой платок и стал вытирать им лицо.

— Шура, ты не знаешь, что это на неё нашло?

— Не знаю. Она пришла уже какая-то нервная.

— Что же она узнала?.. — задумчиво произнёс он и стал мять платок в руке.

— А что она могла узнать?

— А... Ничего. Не обращай внимания.

Он посмотрел на меня и стал вытирать моё лицо:

— Ха! Смотри, тебе тоже досталось, — улыбаясь, сказал он.

И тут я почувствовала, что моё лицо тоже мокрое, а одна щека зудит, очевидно, от полученного удара.

— Да. Точно, — сказала я, потирая щеку.

— А тебе-то за что? — почти смеясь, спросил Жора.

— А тебе? — иронично переспросила я.

— Ну, мне, наверное, есть за что. Даже не наверное, а совершенно точно есть! А вот тебя взрывной волной зацепило.

И он засмеялся. Я тоже стала смеяться. Но не потому, что мне было смешно, а потому, что смеялся он. И смех этот накачивал всё новыми и новыми волнами. Мы стали хохотать. И так нам было смешно и весело, что мы, обнявшись, завалились на кровать.

— Взрывной волной! Ха-ха-ха!

— А тебя — контузило! Ха-ха-ха! Полотенцем! Ха-ха-ха!

Мы катались по кровати и хохотали, пока в комнату не вошла мама.

— Нет, вы только посмотрите на них! Они ржут, как кони! Был бы повод! Так повода для радости нет! Жора!

Жора оттолкнул меня и сел на кровати, пытаясь сделать серьёзное лицо.

— Да, мама, — серьёзно сказал он и сжал губы в трубочку, чтобы не смеяться, но смех всё равно ещё пытался прорваться сквозь губы.

— Есть разговор! — строго сказала мама, и мы с Жоркой поняли, что разговор будет очень серьёзный. Смеяться сразу перестало.

Дед подошёл к кровати, поднял меня и вынес из комнаты. Мама плотно закрыла за ним дверь. Мы с бабушкой и дедушкой сели на кухне. Бабушка поставила на стол ужин. Дед закурил трубку. Разговора слышно не было, но из комнаты иногда доносились обрывки фраз то маминим, то Жоркиным голосом.

— ... ну мама!

— ... я сказала!

— ... а я всё равно...

— ... только посмей...

— ... просто друзья...

— ... бандиты!..

Потом дверь открылась, из комнаты вышла мама. Она обернулась и добавила:

— И только попробуй не быть дома в 8 вечера! Выгоню! В подворотне жить будешь! Как последняя дворняга! Мне в доме бандит не нужен! Ты меня понял?

— Да-а-а, — уныло протянул Жора.

Он сидел на нашей кровати, понурился головой. Его локти опирались на колени, кисти рук печально свисали. Глаза у Жоры были налиты слезами.

Спустя несколько лет, когда я уже училась в техникуме, мама рассказала, что с ней случилось зимой 1946 года в квартале от нашего дома.

Почему Жорку называли «Жора с Малой Арнаутской» — неизвестно. Ведь мы жили на Базарной. Возможно, Жора со своими друзьями промышлял на Малой Арнаутской, и мама об этом догадалась. Сам Жора об этом никогда не рассказывал.

Прошли годы. Уже и Жора женился, и я вышла замуж. Моя Лена уже была взрослая. Умерла наша мама. На похоронах мы вспоминали и маму, и бабушку с дедушкой, и как после оккупации мама вернулась. И вдруг Жора сказал:

— Шура, знаешь, а она ведь тогда мне жизнь спасла.

— Когда?

— Под Новый год 1946-го. Когда она меня лупила полотенцем. Помнишь?

— Конечно, помню! Забудешь такое! Это был вообще единственный раз, когда мама на нас руку подняла. А почему жизнь спасла?

— Она ведь тогда мне запретила поздно домой приходить. Ребята надо мной смеялись. А потом, когда Жуков в Одессе войну бандитам объявил, моих всех переловили. Кого во время облавы застрелили, кого потом в тюрьме зарезали. Все погибли. Все до единого.

И он прослезился.

— Жора...

— Что?

— Да так... Ничего... Мы теперь с тобой совсем сироты. Мама умерла. Теперь только ты и я.

— Ну, у нас есть ещё дети...

— Но теперь мы для них родители. А у нас родителей больше нет. Из нашей семьи только мы остались.

— Да. Это точно.

— Зато ты теперь самый старый в семье! — игриво заметила я.

— Так и ты уже не девочка.

— Ничего подобного! Я ещё молодая и красивая. А ты — самый старый.

Жорка засмеялся. Потом он зажал сигарету между средним и указательным пальцами покаленной руки, глубоко затянулся и, глядя с высоты своего роста, прищурившись, сказал:

— Шурочка, ты у меня всегда будешь молодой и самая красивая!

Жора умер в 2011-м. Ему было 83 года. Теперь у меня остались только дети, внуки и правнуки. А я стала самой старой в моей семье. Но по-прежнему остаюсь молодой и красивой! И ко мне, как и прежде, особое отношение. У всех.

Наверное, мой Жорка до сих пор следит, чтобы меня не трогали. Но только теперь уже сверху. С небес. Мой старший брат Жорка — мой ангел-хранитель.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org